

рассказ о семнадцатилетнем греческом юноше Николае из Константинополья, ставшем жертвой мстительного янычара:

Кантемир

Во вратах градских константинопольских яже ныне нарицаются Паша Капуси, то есть врата Пашей, древле Хрисопили гречин некий юный, семнадцать лет сущи, именем Николай, зело прекрасный и аки ангелское лице имеющий отрок [елеи, мигдалы и протчая, яже бакал то есть харчевники продавати обычай имеют, в каморе отца своего продающе]. Напротив же оныя каморы, по другую страну, стоит кустодиа янычаров, врата стерегущих (*Систима, стр. 255*).

Софроний

На вратах цароградскихъ, що са нарича сеги Паша Каписи, а на ветхое време са нарицала Златая врата, были някой гречени младый до сѣдмьнадесять години, на имя Николае, ала былъ юноша много прекрасен лицом и [лице тому было красно и светло] като аггельское лице. Былъ бакалинъ тамо на единъ дукянь. Ала насреща тоя дукянь имало караул, сиреч яничарский колульк и някой от оныя яничары, като гледалъ онаго бла[го]лепнаго и краснаго отрока, по нихное не трудное обычай, фатилса за онаго отрока на злыя любовь, зарад да учини сас него содомский грехъ и всякоги непрестано просяще от него това (*Пол. 1204, л. 310*).

Этот эпизод чрезвычайно схож с подлинным происшествием, случившимся с Софронием в Константинополе, куда он в возрасте 17 лет направился по делам умершего отца.⁷⁶

Итак, первоначально задуманная Софронием подстановка биографии Кантемира под свою биографию в целях большей убедительности рассказываемого, возможно, постепенно приводит его к мысли о создании подлинной автобиографии, своей несомненной достоверностью долженствовавшей еще сильнее воздействовать на читателя. Это предположение, как нам кажется, позволяет объяснить многое из того, что до сих пор ставило в тупик исследователей, например отсутствие в Житии упоминания о вострече с Паисием Хилендарским, сыгравшей такую решающую роль в формировании национального самосознания у Софрония,⁷⁷ и др. Исследователи, пытаясь определить Житие как завещание, исповедь⁷⁸ или отчет, неизбежно впадают в противоречие с его содержанием. Житие — отнюдь не исповедь. Исповедь предполагает прежде всего покаяние или раскаяние в содеянном и новом обращении на путь истинный. Пафос Жития не в раскаянии, хотя Софроний неоднократно упрекает себя за допущенные им неблагоприятные поступки в отношении своей паствы. Он скорбит о содеянном, но эта скорбь лишена самоуничтожения, самоотрицания, характерного для исповеди. Житие лишено также малейшего оттенка назидательности, поучения, что всегда характерно для завещания. Еще менее — это отчет о своей жизни. Софроний вообще не подводит итогов, он отнюдь не мемуарист, перечисляющий людей, с которыми он сталкивался в жизни, или факты и события, свидетелем которых он был. Как это ни парадоксально, Софроний, описывая свою жизнь, меньше всего занят самим собой. Здесь мы полностью согласны с точкой зрения, высказанной М. Арнаутовым и поддержанной К. Мечевым, что «Софроний непринужденно, безыскусно, просто и волнующе знакомит читателя не

⁷⁶ Софрони Врачански. Избрани творения. Под ред. на Петър Диневков, София, 1946, стр. 10.

⁷⁷ П. Орешков (Автобиография, стр. 82, 84) и В. Киселков (Софрони Врачански, стр. 205) ставят это Софронию в упрек.

⁷⁸ В. Киселков считает, что Софроний таким образом пытается успокоить свою совесть, оправдаться за отъезд (В. Киселков. Софрони Врачански, стр. 213).